

УДК 1(091)

КРИЗИС ФИЛОСОФСКО-НАУЧНОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ В 1930–1940-Е ГОДЫ

О.А. Устинов

МУК «Культурно-просветительский центр «Дубрава» имени протоиерея Александра Меня», г. Сергиев Посад Московской области.

Предметом исследования настоящей работы является кризис философско-научной антропологической парадигмы в советской философии в 1930–1940-е гг. Его квинтэссенцией являлась смысловая негация Марксовой антропологии, выразившаяся в редуцировании ее базовых гуманистических идей, и прежде всего идей самоценности, субъектности и самореализации каждого отдельного взятого человека. Данный теоретический подход к личности был закреплен социальной практикой сталинизма, превратившей советских граждан в бесправных данников партийно-государственной номенклатуры вопреки их пафосному определению как сознательных и свободных творцов своей истории. В статье реконструируются и исследуются базовые положения парадигмы: проект «нового человека», соотношении социального и биологического, свободы и необходимости, смысла и назначения жизни, соотношения личности и общества. Делается вывод о том, что кризис советской философско-антропологической мысли в данный период носил всеобъемлющий и безальтернативный характер.

***Ключевые слова:** советский марксизм, И.В. Сталин, антропологическая парадигма, человек, биологическое и социальное, субъективный фактор в истории, смысл жизни, личность и общество, философская антропология.*

Период 1930–1940-х гг. – один из самых сложных и трагических этапов в развитии советской философии. Формирование в стране диктатуры И.В. Сталина имело своим следствием установление агрессивного цензурного гнета. Философские дискуссии были сужены до препарирования взглядов того или иного исследователя на соответствие их каноническому марксизму в виде эклектической смеси экономического детерминизма с субъективным идеализмом, изложение которого было дано в работах И.В. Сталина [25; 28; 30; 35].

Осторожные попытки протестовать против нарастающего идейного вакуума, предпринятые некоторыми авторитетными членами партии (Н.К. Крупская, Я.С. Стэн), лишь спровоцировали атаку на представителей «творческого марксизма», завершившуюся арестом и гибелью многих из них и наглядно продемонстрировавшую опасность малейшего отклонения от «генеральной линии партии».

Сложившаяся и занявшая монопольное положение в отечественной философии после 1917 г. философско-научная антропологическая парадигма

также вошла в данный период в фазу тяжелого кризиса, обусловленного преимущественно политическими причинами, но серьезно замедлившего и вызвавшего деградацию ряда ее базовых положений.

Для определения состава философов, оказавших влияние на развитие структуры и содержания парадигмы, необходимо провести грань между партийными теоретиками (М.Б. Митин, П.Ф. Юдин, В.Н. Ральцевич, Ф.В. Константинов, М.Д. Каммари и др.), которые преимущественно комментировали труды И.В. Сталина, превозносимого как «корифея науки», равного основоположникам марксизма, и оттесненными на периферию «ищущими марксистами» (Н.И. Бухарин, С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский, К.Р. Мегрелидзе и др.), осуществлявшими философско-антропологические исследования с опорой на философское наследие К. Маркса и В.И. Ленина в расчете на будущее. «Ищущие марксисты» должны быть приняты во внимание с точки зрения изучения потенциала философского анализа феномена человека, но не изучения официальной парадигмы, фактически развивавшейся без их участия [36].

Однако непосредственным актором кризиса антропологической парадигмы в 1930–1940-е гг. должен считаться, судя по всему, И.В. Сталин, чье мировоззрение в целом, даже в большей степени чем его философские произведения, властно определяло облик советской науки, наложив на нее печать антиперсоналистского инженерно-утилитарного отношения к личности, идущего от А.А. Богданова. Если согласиться с утверждением В.В. Алексева, что главным ориентиром для И.В. Сталина в философии марксизма был А.А. Богданов [1, с. 23], то весь период 1930–1940-х гг. в советской философии можно рассматривать как период наибольшей фактической актуализации богдановской концепции социально-организованного опыта как идейной платформы сталинской политики социализма «в отдельно взятой стране».

Рассмотрим и проанализируем положения и особенности развития философско-научной антропологической парадигмы в 1930–1940-е гг.

Первое положение. Антропологическим идеалом советского государства был строитель социализма, «ударник производства», в образе которого аккумулировался марксистский пафос человека-победителя материи. Инициированный И.В. Сталиным переход к политике «милитаризованного социализма» осуществлялся через напряжение всех сил и средств страны, основными из которых в отсутствие финансовых накоплений являлись людские ресурсы. В связи с этим «человеком нового типа», уже созданным в СССР, был провозглашен преодолевший «мелкобуржуазную собственническую психологию» «ударник социалистического труда», названный «стахановцем» по имени рекордсмена угольной промышленности А.Г. Стаханова.

Предельно идеологизированный, антропологический идеал почти полностью утратил в этот период философское содержание и превратился в модус прагматических политико-экономических воззрений и проектов ЦК ВКП (б). Если советские писатели и поэты привычно воспевали «нового человека» как олицетворение разума, мощи и силы, присущих пролетариям как лучшим представителям человеческого рода [12, с. 19], то партийными идеологами среди конститутивных признаков «нового человека» педалировалась лишь профессиональная компетентность, подразумевавшая умение работать на сложной технике с целью ее максимально результативной эксплуатации.

И.В. Сталин признавал, что социализм устремлен к всестороннему удовлетворению человеком всех его потребностей. Однако диапазон этих потребностей он не выносил за пределы общеобязательного политехнического образования [35, с. 204]. Высшей точкой развития личности было для него ее восхождение до уровня «инженерно-технических работников». Партийные философы и вовсе курьезно интерпретировали «всесторонность развития» «нового человека» как доскональное овладение им порученного ему дела: «...токарь-скоростник Борткевич смог добиться выдающихся успехов в своей области потому, что он основательно, всесторонне и глубоко изучил токарный станок...» [16, с. 667].

Широко известными стали высказывания И.В. Сталина о кадрах, которые «решают всё» и которые необходимо совершенствовать и беречь – «выращивать, как садовник выращивает облюбванное плодовое дерево» [26, с. 49]. Глагол «растить» в описании методологии антропологического проекта ВКП (б) постоянно использовался на партийных форумах. В одном из его выступлений приводился также пример неэффективного отношения к «кадрам» – рассказ о сибирских крестьянах, которые больше сожалели о потере лошади чем о гибели человека. Однако из этой истории вместо нравственного суждения о ценности человеческой жизни был сделан утилитарный вывод: ценность человека как «мыслящего орудия» превосходит ценность лошади, как орудия, такой же функцией не обладающего [32, с. 62-63]. Логическим продолжением этого тезиса было адресованное руководителям трудовых коллективов указание ценить прежде всего и только того специалиста, чьи знания и профессиональные навыки будут действительно полезными для строительства социализма.

Те же социальные «элементы», которые не желают выполнять поставленные партией хозяйственные задачи и тем более сопротивляются им, заносились в число скрытых «вредителей» и «врагов» и подлежали репрессивно-карательным мерам, прямо санкционированным И.В. Сталиным [33, с. 91]. Рассматривая радикальные методы как единственно реальные способы создания социалистической экономики в отсталой стране, И.В. Сталин повторил идею Л.Д. Троцкого о исторической необходимости для масс организованного и контролируемого государственными органами принудительного труда в соответствии с лозунгом «Кто не работает, тот не ест» [34, с. 249].

Не способствовало коррекции взятых на вооружение партией антропотехнических ориентиров и первое знакомство советских марксистов с подлинным антропологическим идеалом К. Маркса – идеалом «целостного человека». По иронии судьбы именно в начале 1930-х гг., когда в партии триумфально победила сталинская трактовка проблемы человека в марксизме, на Западе и в СССР были изданы ранние работы К. Маркса, которые недвусмысленно свидетельствовали о глубоко гуманистической направленности философских поисков основоположника марксизма. Отдавая приоритет «зрелого Маркса» в ущерб «Марксу молодому», советские марксисты замолчали его размышления о «человеческой животности» и «подлинной человечности», отчуждении, подлинной и мнимой коллективности как порождение избыточной фразеологии идеалистической антропологии, отринутой К. Марксом в поздний период. В их понимании научная актуальность его философии заключалась исключительно в теории

классовой борьбы и диктатуры пролетариата [6; 9]. Показательно, что редколлегия журнала «Под знаменем марксизма», опубликовав комментарий на ранние работы К. Маркса сразу после их выхода в свет, больше к этой теме не обращалась.

Сомнения в правильности политики «милитаризованного социализма», озвученные Н.И. Бухариным и его единомышленниками, были грубо отброшены и ошельмованы как «правый уклон» [27].

Второе положение. Решение советскими марксистами проблемы соотношения биологического и социального в человеке формально было выдержано в рамках сформулированной К. Марксом трактовки человека как биосоциального существа, но фактически несло на себе весь груз вульгарно-материалистических упрощений марксизма. Диалектически сложная и нерасторжимая взаимосвязь социальных и биологических факторов в онтогенетическом и филогенетическом развитии человека была для большинства советских марксистов непонятной.

Последовательно защищая представление о человеке как высшем и уникальном творении природы с опорой на дарвиновскую теорию антропогенеза, советские марксисты опровергали идеалистический взгляд на человека как духовного субъекта, созданного Богом. В учебники и словари был включен тезис об объективном и окончательном опровержении марксистской наукой гипотезы о существовании внутри тела «души» [37]. Однако физиология человека трактовалась ими как нечто легко познаваемое и преобразуемое по причине его элементарности.

Так, психологи обосновали принципиальную пластичность структуры человеческого сознания с помощью учения о рефлексах И.П. Павлова, которое было некритически перенесено в психологию личности как методологическая база. В результате люди уподобились живым автоматам, управляемыми по формуле «стимул–реакция» [2].

В биологии, в свою очередь, данное понимание человека было поддержано Т.Д. Лысенко и его сторонниками, оспаривавшими точку зрения генетиков на сложное воспроизводство живых организмов в соответствии с механизмами наследования и утверждавшими, что любой живой организм, а следовательно, и человек, преобразуется в результате воздействия на него окружающей среды [22].

Философам, получившим возможность опираться на подготовленные психологами и биологами теории односторонней детерминации, оставалось только найти ее подтверждения в пространстве социального, что и было реализовано в апологии роли средового фактора в формировании и развитии личности. Самым убедительным ее примером было предложено считать «антропологическое чудо» («перестройку сознания» и «удивительное изменение психики»), осуществленное под надзором сотрудников ОГПУ при СНК СССР в ходе строительства Беломорско-Балтийского канала имени И.В. Сталина в 1931–1933 гг. и «засвидетельствованное» целой группой советских писателей (А.М. Горький, А.Н. Толстой, М.С. Шагинян, В.П. Катаев, В.Б. Шкловский и др.) [3].

Аналогичный метод перевоспитания человека в процессе организованного и контролируемого труда апробировался и на широких слоях населения, и

в особенности крестьян как наименее подготовленной к коммунизму социальной страты. В 1934 г. В.В. Куйбышев удовлетворенно докладывал коллегам по партии о том, что миллионы советских граждан уже «переварены» в «социалистическом труде» и превращены в «новых людей» [14, с. 397].

Резонирующая с подходом к человеку как пассивному объекту субъектно-деятельностная теория личности, разработанная психологами-новаторами (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, М.Я. Басов, А.Н. Леонтьев, Д.Н. Узнадзе и др.) на основе изучения философско-антропологических взглядов раннего Маркса, так или иначе подавлялась и не могла претендовать на внесение каких-либо корректировок в утвержденное свыше решение проблемы о соотношении в человеке социального и биологического.

Третье положение. В рассмотрении проблемы соотношения в деятельности человека свободы и необходимости у советских марксистов доминировало стремление сочетать механистическую схему общественного развития с одновременным постулированием решающей роли в истории субъективного фактора. С одной стороны, они подчеркивали сугубо экономическую основу всех процессов и явлений, властно определяющих социальную практику: каков «способ производства», таков и «способ представления», а с другой – доказывали, что любые процессы и явления относительно легко трансформируемы в соответствии с мичуринским лозунгом «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача!»

Именно в 1930–1940-е гг. изначально заложенное в русском марксизме противоречие между детерминизмом и волюнтаризмом в понимании социальной динамики проявилось в полной мере. То, что такое «извращение исторического материализма» есть в интеллектуальном наследии партии, партийные философы хорошо сознавали, но, справедливо приписывая его А.А. Богданову и Л.Д. Троцкому [17, с. 33, 35, 131], себя самих адептами этой «эклектической смеси» не считали. Теоретически якобы только кажущийся в их работах парадокс между детерминизмом и волюнтаризмом снимался ими крайне просто. Критикуя идеалистическую «поповскую теорию» о «мнимой свободе воли» и утверждая в противоположность ей зависимость социальной практики от экономических факторов, партийные философы признавали их одностороннее воздействие только до наступления социализма, характеризуемого победой человека над всеми законами природы и общества. Как только в СССР социализм был признан построенным «в основном», философская печать немедленно приступила к созданию красочной картины неограниченных перспектив развития в «царстве свободы», монопольным бенефициаром и распорядителем которых формально объявлялся коллективный «советский человек», а в действительности – партия и ее лидер.

Несомненно, что данная редукция марксизма в духе идеологически продиктованного субъективного идеализма шла непосредственно от И.В. Сталина, который, как полагает З. Вайгаускас, использовал ссылки на К. Маркса и В.И. Ленина лишь для маскировки своих подлинных философских взглядов [7, с. 113], являвшихся версией богдановского эмпириомонизма. Неслучайно И.В. Сталин выдвигал на первый план в реализации «прорыва» партии к новому со-

стоянию общества организованность, решимость, волю к труду [29, с. 80], которые и были отражены в идеологии «великого перелома на всех фронтах социалистического строительства».

Субъектом истории И.В. Сталин называл пролетариат как коллективного владельца производительных сил, являющихся инструментарием преобразования, но уточнял, что руководство рабочим классом принадлежит партии в лице ее функционеров разных уровней, и в первую очередь – вождей, которые должны были, по его мнению, обладать высоким менеджерским потенциалом: уметь аккумулировать главные силы в решающем месте, точно вычислять момент решающего удара, неуклонно реализовывать решение, маневрировать резервами [31, с. 157–160]. Фактически речь, конечно же, шла о том, что именно генеральный секретарь ЦК ВКП (б) является подлинным и единственным «Демидургом истории». По меткому определению Г.П. Федотова, «в порядке последовательных уравнений, типичных для диктатуры: пролетариат = компартия = Политбюро = Генеральный секретарь, Сталин может сказать совершенно спокойно: социализм – это я» (цит. по: [11, с. 4]).

Все сталинские решения были продублированы партийными философами (М.Б. Митин, П.Ф. Юдин, В.Н. Ральцевич, Ф.В. Константинов, М.Д. Каммари, П.Е. Вышинский и др.), позволившими внести в качестве дополнения к комментируемому ими максимум лишь восхваление автора как «величайшего мыслителя». Спрямяя суждения И.В. Сталина в тех местах, где скромность не позволяла ему говорить о себе, М.Д. Каммари восхвалял гениальность генерального секретаря, объясняя, что прежде великие личности были заложниками исторических законов, которые знали лишь эмпирически, и не могли вершить историю сознательно, но вооруженные революционным марксизмом вожди большевистской партии способны «оба полушария повернуть на путь коммунизма», осуществляя руководство первым в мире государством рабочих и крестьян – творцов нового строя [19, с. 43; 18]. В статье к очередному юбилею вождя С.С. Кривцов констатировал, что И.В. Сталин безусловно соответствует всем требованиям, которые должны быть предъявлены к лидеру партии [20]. Мысль о том, что во главе партии мог встать какой-либо другой «гений», также владеющий «чудо-теорией», не допускалась.

Таким образом, в решении проблемы свободы и необходимости в истории советские марксисты заявили себя апологетами субъективного идеализма, имевшего своим истоком эмпириомонизм А.А. Богданова, но если А.А. Богданов ставил на место творящего мир «Я» творящее мир «Мы», говоря только о пролетариате как организаторе новых видов всех форм материи, то они возвратили «Я» утраченный статус полноценного субъекта в лице вождя партии.

Четвертое положение. Проблема смысла жизни традиционно решалась партийными философами в контексте определения антропологического идеала, будучи его логическим производным. «Новый человек» априорно рассматривался как человек, цель и назначение жизни которого состояли в борьбе за счастье всего человечества, равнозначной наибольшей степени его удовлетворения условиями своего существования (личному счастью) [16, с. 642]. Содержанием деятельности «нового человека», согласно идеологическим штампам, были борьба с «эксплуататорами» за рубежом и активный созидательный труд на

благо страны, неотъемлемый от поиска, выявления и ликвидации препятствующих ему «врагов народа» – «вредителей», «шпионов», «террористов», к которым в 1940-е гг. были добавлены «безродные космополиты».

Милитаризация образа «нового человека» имела своим неизбежным следствием и милитаризацию его базовых жизненных ориентаций, окончательно обнаружив, что продуктом советской антропотехники является «человек этатический» (термин И.П. Смирнова [24, с. 19]), т. е. человек, основной смыслообразующей ценностью которого является государство (в данном случае – «первое в мире государство рабочих и крестьян») и который готовился осознанно принести себя в жертву, совершив трудовой или военный подвиг. Такой «этатический человек» должен был обладать такими качествами, как идейность, патриотизм, интернационализм, коммунистическое отношение к труду и собственности, дисциплинированность, коллективизм, «социалистический оптимизм» («глубокая уверенность в светлом будущем») [5, с. 15–23].

Воспитанная в соответствии с партийной идеологией, молодежь сдавала нормы ГТО и осваивала военное дело, беря пример с героев гражданской и Великой Отечественной войн (В.И. Чапаев, А.М. Матросов, З.А. Космодемьянская и др.) и ударников социалистического труда (А.Г. Стаханов, П.Н. Ангелина, И.И. Гудов и др.). Вожди партии (С.М. Киров, В.В. Куйбышев, В.М. Молотов [8; 21; 23]) представлялись идеологами и философами безупречными нравственными авторитетами, над которыми на недосыгаемой дистанции возвышалась фигура И.В. Сталина как главного и непосредственного создателя социализма, указавшего смысл жизни и цель труда не только советским народам, но и всему «прогрессивному человечеству»: «Все нации и народы нашей необъятной страны с одинаковой любовью произносят имя “Сталин”, и в этом имени их жизнь и счастье. ...Сталин – величайший человек современности <...> глубочайший теоретик нашей эпохи и гениальный стратег и тактик пролетарской революции» [4, с. 109].

Тема патриотизма в сталинской версии как любовь к социалистическому отечеству и «безграничное доверие» к партии и правительству, стала в этот период доминирующими в публикациях, посвященных задачам коммунистического воспитания [10]. Неслучайно ходовым становится в этот период идеологический фразеологизм: «морально-политическое состояние». Оценка просто морального состояния у советского человека позиционировалась как недостаточная.

Таким образом, советский философско-антропологический дискурс окончательно оформился как негативистский, растворив в категорическом императиве соответствия человека требованиям государства последние слабые попытки защитить хотя бы частичную автономию его социальной деятельности. Инициатива поощрялась только в рамках работы на производстве, где индивидуальная рационализация могла, по мнению идеологов, привести к повышению результативности труда, т. е. обеспечению нужд государства, но социального и тем более политического измерения не предполагала. Отказ от самостоятельности и независимости объяснялся счастьем претворять в жизнь мысли «великого вождя». Труд понимался партийными философами как обязанность советских людей и не имел других качественных характеристик [15, с. 77], хоть сколько-

нибудь напоминавшую тезис К. Маркса о самореализации человека в творческой деятельности.

Пятое положение. Соотношение личности и общества рассматривалось в советском марксизме 1930–1940-е гг. через призму традиционного, но крайне гиперболизированного социоцентризма, вследствие чего человек, обозначенный как совокупность общественных отношений, был растворен в коллективе и утратил свою индивидуальную и неповторимую самость, будучи идентифицированным как часть социального целого, элемент класса, партии, «человек-масса».

Научная состоятельность социоцентризма доказывалась партийными философами примитивной логической схемой, которая может быть реконструирована следующим образом. Человек изначально является социальным существом, его формирование и развитие совершается в условиях постоянной коммуникации с другими людьми и на стадии филогенеза, и на стадии онтогенеза. Формально здесь не было противоречия с К. Марксом. Однако партийные философы выводили отсюда, что только в обществе человек, будучи всецело социальным продуктом, может обрести подлинную гармонию со своей природой, выражающуюся в переживании радости от полного слияния его личных интересов с интересами коллективными. Коллективность как нахождение в коллективе и безусловное подчинение ему становилась, таким образом, определяющим признаком человека как представителя рода «*Homo sapiens*». Личное же претворялось в данной схеме в нечто абстрактное, ненормальное, априори негативное.

Основным препятствием для указанной «формулы счастья» явилось возникновение частной собственности, повлекшее за собой разделение труда, образование классов и различные механизмы эксплуатации, достигшие апогея при капитализме. Соответственно уничтожение частной собственности как первопричины феномена социально-антропологического распада и обобществление средств производства автоматически ведут к ликвидации антагонизма между личностью и обществом и возвращают человека к самому себе, в его органическое «общественное состояние». А.И. Деборин констатировал: «На основе новых производственных отношений создается органическое единство, взаимосвязанность и взаимопроникновение всех элементов жизни, деятельности и мысли, образуя единое целое, коллективность, где каждый отдельный элемент составляет лишь часть этого целого». «Коллективность становится принципом всей жизни ...преобразуя тем самым в корне всю установку человека. Она порождает новые, коллективные формы мышления, которые являются реальным отражением и выражением действительной жизни, проникнутой целиком коллективизмом» [13, с. 21–22; 22].

Отметим, что полностью к указанному алгоритму рассуждений тяготели единицы, например А.М. Деборин. Большинство партийных философов (В.Н. Ральцевич, М.Д. Каммари, Ф.В. Константинов и др.) воспроизводили только одну его часть: обобществление средств производства при социализме раз и навсегда снимает проблему личности и общества, поскольку они сливаются в единое целое, образцом которого и является весь советский народ. Поэтому тема «личность и общество» специально в научных и учебных изданиях не раскрывалась.

Вульгаризированное прочтение Марковского положения о социальной сущности человека неизбежно повлекло за собой утверждение в работах партийных философов примата коллектива и далее – класса, партии и партийных вождей, воспроизводя социоцентризм в различных его вариациях (классоцентризм, партоцентризм, вождистский фатализм), в результате чего личность подвергалась сразу нескольким фильтрам деперсонализации. Фактически они приступили к уже вполне откровенной по сравнению с аналогичными идеями 1920-х гг. пропаганде «грубого коммунизма», наиболее близкой к «марсианской утопии» А.А. Богданова [1, с. 12, 111–112].

И.В. Сталин в своих выступлениях избегал говорить о личности как таковой, а если эпизодически упоминал ее, то только в контексте производственно-технических задач социалистического строительства, чем, несомненно, определил тематику и границы исследований советских марксистов по данному вопросу, замкнувшихся на идее долга каждого советского человека отдать все свои силы рабочему классу и коммунистической партии на фоне приоритета негласной установки руководства ВКП (б) на деперсонализацию личности, кристаллизованной в максиме «незаменимых нет».

Умаление шансов на признание со стороны партийно-государственных структур ценности и значения личности обусловила и гиперболизация на фоне разворачивающихся в стране политических репрессий классового подхода к структуре и развитию общества. С точки зрения официальной идеологии претендовать на право физического и социального существования мог только тот гражданин, к которому партия не имела политических или каких-либо иных претензий относительно его происхождения, связей, прошлой и настоящей деятельности.

Таким образом, квинтэссенцией кризиса философско-научной антропологической парадигмы в советской философии в 1930–1940-е гг. стала смысловая негация Марковской антропологии, выразившаяся в редуцировании ее базовых гуманистических идей, и прежде всего идей самоценности, субъектности и самореализации каждого отдельного взятого человека. «Советский гражданин» воспринимался только как социальный объект, безгласная и послушная функция системы, что и было закреплено в практике сталинизма, превратившей его в бесправного данника номенклатуры. Стремительно набравшая обороты тенденция к крайней политизации и вульгаризации советского марксизма делала бесперспективными любые попытки коррекции искажений философско-научной модели решения проблем человека, вследствие чего она оказалась в этот период на самой нижней точке своего развития за всю историю отечественной философии XX в.

Список литературы

1. Алексеев В.В. Концепция социально-организованного опыта А.А. Богданова и её роль в становлении советской модели социализма в 1920-х – сер. 1930-х годов: дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2007. 169 с.
2. Аршавский М.А. О сессии «двух академий» // Репрессированная наука. / ред. М.Г. Ярошевский; ред.-сост. А.И. Мелуа. СПб.: Наука, 1994. Вып. II. С. 239–242.

3. Беломорско-Балтийский канал имени Сталина: история строительства. 1931–1934 гг. / под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. М.: ОГИЗ, 1998. 1342 с.
4. Берия Л.П. Величайший человек современности // Сталин. К шестидесятилетию со дня рождению: сб. ст. «Правды». М.: Правда, 1940. С. 102–110.
5. Болдырев Н.И. Воспитание коммунистической морали у школьников. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Учпедгиз МП РСФСР, 1956. 232 с.
6. Быховский Б.Э. Враги и фальсификаторы марксизма. М.;Л.: Соцэкгиз, 1933. 104 с.
7. Вайгаускас З. «Энциклопедия» сталинской философии (Заметки о работе И. Сталина «О диалектическом и историческом материализме») // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. М.: АОН, 1991. Вып. IV. С. 97–114.
8. Валериан Владимирович Куйбышев (1888–1935). Некролог // Под знаменем марксизма. 1935. № 1. С. 3–8.
9. Васильева А. Маркс и «Святое семейство» // Под знаменем марксизма. 1933. № 1. С. 116–146.
10. Вышинский П.Е. Советский патриотизм – движущая сила развития социалистического общества // О советском социалистическом обществе: сб. ст. / под ред. Ф. Константинова, М. Каммари, М. Глезермана. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. С. 423–475.
11. Гайда А.В., Любутин К.Н. Российские версии философии марксизма: Иосиф Сталин (1879–1953) // Научный ежегодник Института филос. и права Урал.о отд. Рос. акад. наук. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. Вып. 2. С. 3–16.
12. Горький М. О старом и новом человеке // Горький М. Статьи и памфлеты. Л.: Молодая Гвардия, 1948. С. 283–284
13. Деборин А. Строительство социализма и наши задачи на теоретическом фронте // Под знаменем марксизма. 1930. № 5. С. 6–24.
14. Доклад товарища Куйбышева о втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР // XVII съезд Всесоюз. коммунист. партии (б): стенограф. отчёт. М.: Партиздат, 1934. С. 380–413.
15. Жейдс В.Ф. Из истории формирования концепции «человека-винтика». По страницам журнала «Под знаменем марксизма» // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. М.: АОН, 1991. Вып. IV. С. 68–86.
16. Исторический материализм / под общ. ред. Ф.В. Константинова. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1951. 748 с.
17. Исторический материализм: учебник для совпартшкол и средних звеньев сети партпросвещения / под ред. В.Н. Ральцевича. М.: ОГИЗ, Московский рабочий, 1931. 384 с.
18. Каммари М. Вождь и организатор многонационального социалистического государства // Под знаменем марксизма. 1939. № 12. С. 91–116.

19. Каммари М. О роли личности в истории // Под знаменем марксизма. 1935. № 1. С. 31–50.
20. Кривцов С.И. В. Сталин. (К 50-летию со дня рождения) // Под знаменем марксизма. 1930. № 2–3. С. 1–17.
21. Лифшиц Л. Выдающийся деятель и вожьд большевистской партии // Под знаменем марксизма. 1940. № 3–4. С. 5–20.
22. Лысенко Т.Д. Что такое мичуринская генетика // Лысенко Т.Д. Агробиология. Работы по вопросам генетики, селекции и семеноводства. Изд. 6-е, доп. М.: Гос. изд-во сельскохозяйств. лит., 1952. С. 372–389.
23. Сергей Миронович Киров (1886–1934). Некролог // Под знаменем марксизма. 1934. № 6. С. 1–6.
24. Смирнов И. Соцреализм: антропологическое измерение // Соцреалистический канон: сб. ст. / под общей ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 16–30.
25. Сталин И.В. Анархизм или социализм? // Сталин И.В. Сочинения: в 18 т. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит., 1946. Т. 1. С. 294–372.
26. Сталин И.В. Выступление на приеме металлургов 26 декабря 1934 года // Сталин И.В. Сочинения: в 18 т. М.: Писатель, 1997. Т. 14. С. 48–50.
27. Сталин И.В. Группа Бухарина и правый уклон в нашей партии: из выступлений на объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б) в конце января и в начале февраля 1929 г. (Краткая запись) // Сталин И.В. Сочинения: в 18 т. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит., 1949. Т. 11. С. 318–325.
28. Сталин И.В. К вопросам ленинизма // Сталин И.В. Сочинения: в 18 т. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит., 1948. Т. 8. С. 13–90.
29. Сталин И.В. Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства: речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. // Сталин И.В. Сочинения: в 18 т. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1951. Т. 13. С. 51–80.
30. Сталин И.В. О диалектическом и историческом материализме // Сталин И.В. Сочинения: в 18 т. М.: Рабочий университет, 1997. Т. 14. С. 253–282.
31. Сталин И.В. Об основах ленинизма // Сталин И.В. Сочинения: в 18 т. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит., 1947. Т. 6. С. 69–188.
32. Сталин И.В. Речь в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 года // Сталин И.В. Сочинения: в 18 т. М.: Писатель, 1997. Т. 14. С. 58–63.
33. Сталин И.В. Речь на Первом Всесоюзном совещании стахановцев 17 ноября 1935 года // Сталин И.В. Сочинения: в 18 т. М.: Писатель, 1997. Т. 14. С. 79–92.
34. Сталин И.В. Речь на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. // Сталин И.В. Сочинения: в 18 т. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1951. Т. 13. С. 236–256.

35. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР // Сталин И.В. Сочинения: в 18 т. М.: «Писатель», 1997. Т. 16. С. 154–223.
36. Устинов О.А. «Бухаринская альтернатива». Философско-антропологические доминанты в «Тюремных рукописях» Н. И. Бухарина // Свободная мысль. 2016. № 4. С. 97–104.
37. Шварц Л.М. Душа // Малая советская энциклопедия: в 10 т. / гл. ред. Н.Л. Мещеряков. М.: Сов. энциклопед., 1929. С. 29–30.

THE CRISIS OF THE PHILOSOPHICAL-SCIENTIFIC ANTHROPOLOGICAL PARADIGM IN THE SOVIET PHILOSOPHY IN THE 1930-1940S

O.A. Ustinov

MUK «Dubrava» Cultural and Educational Center named after Archpriest Alexander Men, Sergiev Posad, Moscow Region

The subject of this study is the crisis of the philosophical and scientific anthropological paradigm in Soviet philosophy in the 1930s and 1940s. Its quintessence was the negation of Marxian anthropology meaning expressed in the rejection of its basic humanistic ideas and, above all, the ideas of self-esteem, subjectivity and self-realization of each individual person. This theoretical approach to personality was reinforced by the social practice of Stalinism, which turned Soviet citizens into disenfranchised victims of party nomenclature despite their pathos definition as conscious and free creators of their history. The article reconstructs and explores the basic provisions of this paradigm: the project of the «new man», the relationship between social and biological parts of human nature, freedom and necessity, the meaning and purpose of life, the relationship between the individual and society. The crisis of Soviet philosophical and anthropological thought in this period is estimated as comprehensive and non-alternative.

Keywords: *Soviet Marxism, I.V. Stalin, anthropological paradigm, man, biological and social parts of human nature, subjective factor in history, the meaning of life, personality and society, philosophical anthropology.*

Об авторе:

УСТИНОВ Олег Александрович – кандидат философских наук, заведующий научно-просветительским отделом Культурно-просветительского центра «Дубрава» имени протоиерея Александра Меня, г. Сергиев Посад. E-mail: olustinov@rambler.ru

Author information:

USTINOV Oleg Aleksandrovich – PhD, manager of the scientific and educational department of the Cultural and educational center «Dubrava» named after the archpriest Alexander Men, Sergiyev Posad. E-mail: olustinov@rambler.ru